

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ

Рассматриваются криминологическая характеристика преступности совершеннолетних осужденных к ограничению свободы, состояние, динамика и структура их рецидивной преступности. Автор дает криминологическую характеристику осужденных к ограничению свободы и выявляет наиболее криминогенную их категорию с точки зрения их предшествующей (первичной) преступной деятельности и обосновывает ряд предложений, направленных на совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: альтернативы лишению свободы; наказания без изоляции от общества; рецидивная преступность; ограничение свободы.

Российская статистика свидетельствует о возрастающей судебной практике по назначению наказания в виде ограничения свободы как в качестве основного, так и дополнительного к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества. Так, начиная с 2010 г. количество осужденных к рассматриваемому наказанию увеличилось с 8 до 32 тыс. человек. Обратную тенденцию, но с некоторыми колебаниями можно обнаружить и с численностью общей массы осужденных без изоляции от общества, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций. Так, например, если в 2003 и 2004 гг. происходил незначительный спад числа осужденных, состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний (с 634 466 человек в 2003 г. до 588 289 человек в 2004 г.), в 2005 г. их количество увеличилось до 598 251 человек, в 2006 г. опять произошло снижение до 574 441 человек, а в 2007 г. – небольшой рост до 590 703 человек. Начиная с 2007 г. наблюдается стабильное снижение числа осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительной инспекции, с 590 703 до 452 767 человек в 2013 г. [1].

На фоне наметившегося увеличения численности осужденных к ограничению свободы четко прослеживается тенденция роста преступности данной категории осужденных. В период исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы в 2010 г. было совершено 142 преступления, в 2011 г. – 504, в 2012 г. – 730, в 2013 г. – 1 123, в 2014 г. – 1 044. Таким образом, в 2014 г. темп роста к 2010 г. составил 7,3. Уровень преступности рассматриваемой категории осужденных за этот период также возрастал и достиг в 2014 г. 15,6 в расчете на 1 000 осужденных.

Учитывая, что в период отбывания ограничения свободы большая часть осужденных совершали по два преступления, структуру их рецидивной преступности на 90% образуют преступления против собственности, при этом каждое третье совершенное преступление – это квалифицированная кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ). 14,2% составляют простые кражи, 9,5% – квалифицированный грабеж, по 4,7% приходится на квалифицированные мошенничества и разбой. В каждом пятом случае в период отбывания ограничения свободы были совершены пре-

ступления против личности: угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью (9,5%). На умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, причинение смерти по неосторожности приходится по 4,7%. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка составляют в рецидивной преступности 9,5% и представлены заведомо ложным сообщением об акте терроризма. Удельный вес всех остальных преступлений в структуре преступности осужденных к ограничению свободы не превышает 1%.

Нельзя не отметить, что похожая структура рецидивной преступности характерна и для осужденных, находящихся под надзором европейских служб пробации. Так, согласно ежегодным отчетам европейских служб пробации 47,3% всех преступлений, совершенных осужденными, находящимися под надзором, относятся к кражам, 13,3% составляют мошенничества и подлог, 0,8% – грабежи, 17,6% – дорожно-транспортные преступления, 19,2% – насилие в отношении лица, 1,8% – сексуальные преступления [2].

По половому признаку осужденные к ограничению свободы, совершившие преступления в период исполнения этого наказания (далее рецидивисты), представлены в основном лицами мужского пола (82%), хотя удельный вес женщин, в сравнении с осужденными к другим наказаниям без изоляции от общества, высокий и составляет 18%. Следует отметить и то, что число женщин среди общей массы осужденных к ограничению свободы является также значительным и достигает 12,7%.

Половина рецидивистов были осуждены к ограничению свободы в возрасте от 18 до 30 лет (50%). На долю осужденных в возрасте 30–35 лет приходится 14,5%. Осужденные в возрасте 35–40 лет, 40–49 лет и старше 50 лет составляют в каждом случае около 5%. Следует заметить, что общая масса осужденных к ограничению свободы, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, по данным И.Н. Смирновой, представлена осужденными в возрасте от 30 до 39 лет (29,66%) [3. С. 86]. Таким образом, состав рецидивистов является более молодым, чем общая масса данной категории осужденных. В группе рецидивистов, по сравнению с общей массой, отсутствовали лица старше 60 лет.

В связи с этим среди них оказалось меньше лиц, которые к моменту совершения нового преступления

были женаты или замужем (16,5%). В общей массе осужденных к данному наказанию удельный вес женатых (замужних) составляет около 25,42% [3. С. 86]. Это обстоятельство, как представляется, свидетельствует о том, что брачные отношения, рассматриваемые в отдельности, не являются прогностическим показателем наибольшей вероятности совершения преступления в период исполнения наказания. 12,5% осужденных, совершивших новое преступление, имели детей по сравнению с 56% таких лиц в общей массе осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в связи с чем нельзя не отметить важность этого показателя, который необходимо учитывать в совокупности с семейным положением.

Образовательный уровень рецидивистов несколько ниже, чем общей массы. По результатам нашего исследования только 17% рецидивистов имели среднее образование, 1,2% – среднее техническое, в то время как в общей массе рассматриваемой категории осужденных таких насчитывается 49,15 и 3,39% соответственно.

Не меньший интерес представляет и бытовая характеристика осужденных рецидивистов по сравнению с общей массой осужденных к этому наказанию. Так, 40,5% рецидивистов положительно характеризовались в быту, 37,5% имели удовлетворительную характеристику, в то время как 97% общей массы имели исключительно положительную характеристику.

Кроме того, на момент осуждения к наказанию в виде ограничения свободы среди рецидивистов оказалось 89% лиц, которые нигде не работали и не учились. Для сравнения в общей массе таких насчитывалось 61% [3. С. 87]. При этом среди работавших рецидивистов только 15% имели положительную производственную характеристику, 50% – удовлетворительную. У каждого третьего характеристики в уголовном деле вообще не было.

В связи с этим не меньший интерес представляет выявление наиболее криминогенной категории осужденных к ограничению свободы с точки зрения их предшествующей (первичной) преступной деятельности. Ввиду этого небезынтересным является сравнение структуры преступности общей массы осужденных к ограничению свободы с первичной преступностью рецидивистов. По нашим данным, структура преступности общей массы осужденных к ограничению свободы на 20% представлена умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) и нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (17%). Доля преступлений против собственности составляет 17,5%, среди которых кражи – 6%, незаконное завладение транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) – 5%, мошенничество – 3% и грабежи – 2%. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка составляют около 6% и представлены преступлениями, предусмотренными ст. 222–226.1 УК РФ. Преступления против порядка управления составляют 2,5% и представлены преступлениями, предусмотренными

ст. 324–327.1 УК РФ. Удельный вес всех остальных преступлений в структуре преступности осужденных к ограничению свободы не превышает 1%. Подавляющее большинство лиц было осуждено к ограничению свободы за преступления небольшой тяжести (около 86%), 13% – за преступления средней тяжести, 1% – за тяжкие и 0,08% – за особо тяжкие преступления.

В структуре первичной преступности рецидивистов, по сравнению с общей массой, кратно возрастают незаконное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (51 против 5%), кражи (28 против 6%), грабежи (4,7 против 2%), преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ (14 против 7%). Наряду с этим уменьшился удельный вес умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (14 против 20% в общей массе), отсутствуют преступления против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 222–226.1 УК РФ), преступления против порядка управления (ст. 324–327.1 УК РФ). Учитывая это, количество осужденных к ограничению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления среди рецидивистов возрастает до 8%, против 3,36% в общей массе.

Если к этому добавить, что число ранее судимых в группе рецидивистов более чем в два раза превышает аналогичный показатель в общей массе осужденных к ограничению свободы (54 против 26%), то наибольшая степень вероятности совершения нового преступления приходится на осужденных за незаконное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, кражи, грабежи, преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Следует отметить, что по сравнению с общей массой осужденных к ограничению свободы среди рецидивистов втрое меньше тех, кто имел поощрения за надлежащее выполнение установленных для них обязанностей и ограничений (0,7 против 2,2% в общей массе). Такая тенденция прослеживается во всей структуре поощрений. Благодарность объявлялась только 3% рецидивистов против 9% в общей массе, досрочно снималось взыскание с 2,3 против 7% в общей массе, получали разрешение на проведение выходных и праздничных дней за пределами муниципального образования 20% осужденных против 62% в общей массе, а на проведение отпуска за пределами муниципального образования – 7 против 22% в общей массе.

Более того, 55% рецидивистов до совершения нового преступления не исполняли требования приговора суда, нарушали установленные для них обязанности и ограничения. В общей массе этот показатель достигает 34%. Несмотря на это, только в 65% случаев уголовно-исполнительная инспекция предупреждала их об ответственности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в том числе выходила в суд с представлением о замене этого наказания. Однако суд в каждом третьем случае отказывал уголовно-исполнительной инспекции в удовлетворении представления в части замены и каждому второму нарушителю дополнял ранее установленные осужденному ограничения. В конечном счете

указанные меры воздействия не стали препятствием для совершения нового преступления, при этом каждое третье совершенное преступление – это квалифицированная кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ), в 9,5% случаев – квалифицированный грабеж либо угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Если проанализировать дисциплинарную практику в общей массе осужденных к ограничению свободы, то в 95% случаев уголовно-исполнительная инспекция предупреждала нарушителей установленного для них режима отбывания наказания об ответственности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в том числе в каждом четвертом случае выходила в суд с представлением о замене этого наказания, в каждом втором случае – о дополнении ранее установленных осужденному ограничений, в 73,5% случаев – о возбуждении уголовного дела по ст. 314 УК РФ.

Кроме того, в период исполнения данного наказания 55% рецидивистов не работали, при этом каждый второй из них прекратил работать и не имел легального источника дохода после вступления приговора суда в законную силу, что не могло не отразиться на структуре их рецидивной преступности, в которой доля преступлений против собственности составляет 90%, при этом каждое третье совершенное преступление – это квалифицированная кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ), 9,5% – квалифицированный грабеж. Если к этому добавить, что 35% совершенных ими преступлений было учинено в течение первых трех месяцев нахождения на учете уголовно-исполнительной инспекции, то проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, учитывая, что в действиях каждого третьего из обследованных осужденных имеется специальный рецидив преступлений, предусмотренных ст. 158 и 166 УК РФ соответственно, которому предшествовало неоднократное привлечение к административной ответственности за мелкое хищение или управление транспортным средством, следует критически отнестись не только к взаимодействию уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел по предупреждению преступлений и других правонарушений, но и к тому, что поскольку эти административные правонарушения не относятся к нарушениям общественного порядка, действующее уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает права уголовно-исполнительной инспекции применить к такому осужденному меру взыскания в виде официального предупреждения о недопустимости

нарушения осужденным установленных судом ограничений, а осужденного, совершившего такое же повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предупреждения, признать злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы. В связи с этим необходимо изменить п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ, в соответствии с которым нарушением порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы является только нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности. В качестве нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы в п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ следует предусмотреть совершение административного правонарушения, являющегося однородным преступлению, за которое лицо было осуждено к ограничению свободы.

Во-вторых, существующий порядок фиксации совершенных осужденным нарушений требований приговора суда далек от совершенства. Электронная фиксация допущенного осужденным нарушения должна подкрепляться фактической его фиксацией. Это возможно при взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел, в обязанности которых следует вменить производство задержания осужденного к ограничению свободы, нарушившего установленную для него обязанность или ограничение.

В-третьих, принимая во внимание, что 55% рецидивистов после вступления в силу приговора суда не работали, а уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает возможности соединения содержания этого наказания с трудом, как с иной некарательной воспитательной мерой, необходимо предоставить суду право возлагать на осужденных к ограничению свободы обязанность работать, если это наказание назначено в качестве основного либо дополнительного к лишению свободы. Как представляется, такое право суду следует предоставить не только при назначении ограничения свободы, но и в период его отбывания по представлению уголовно-исполнительной инспекции. Следует также согласиться с И.В. Соколовым, что при введении в действие наказания в виде ограничения свободы не был в должной мере использован зарубежный опыт исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в частности, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации необходимо установить обязанность уголовно-исполнительных инспекций осуществлять контроль за средствами существования осужденного, а также обязанность осужденного содействовать осуществлению такого контроля [4. С. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20YII/>
2. Probation Service Annual Report 2010–2013. URL: <http://wp.unil.ch/space/space-i/annual-reports/>
3. Смирнова И.Н. Характеристика осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. Человек: преступление и наказание. 2010. № 3. С. 85–88.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 марта 2015 г.

RECIDIVISM OF CONVICTS SENTENCED TO IMPRISONMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 151–154. DOI: 10.17223/15617793/395/25

Olkhovik Nikolay V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Keywords: alternatives to imprisonment; types of punishment without isolation from society; recidivism; custody.

The author made a research of more than 700 convicts sentenced to imprisonment and registered in penal correction inspectorates of the Federal Penal service from 2010 to 2014. The article describes criminological characteristics of recidivism of convicts sentenced to custody: analysis of the status, changes and structure of their recidivism. There is a comparison of the structure of recidivism of convicts sentenced to custody in Russia and convicts registered by probation service in the countries of Western Europe. The author provides criminological characteristics of convicts sentenced to custody, who committed crimes during their imprisonment. The most criminogenic category is determined with reference to previous criminal activity. Persons convicted for misappropriation of vehicles without intention to steal, for theft, robbery and crimes described in Paragraph 1, Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation are the groups most expected to commit a new crime. Actions of every third examined person have special recidivism of theft (Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation), recidivism of misappropriation of vehicles without intention to steal (Art. 166 of the Criminal Code of the Russian Federation) with preceding numerous impositions of administrative sanctions for petty crimes such as theft or traffic offences. 55% of recidivists did not work after the entry of judgment into legal force; moreover, penal legislation does not provide an opportunity to combine this type of punishment and duty to work. The author explains and formulates some suggestions to improve the legislation. Firstly, it is necessary to change Clause D in Paragraph 1, Article 58 of the Penal Execution Code of the Russian Federation, according to which public disturbance is the only violation of order and conditions of imprisonment, punishment for this offence brings to administrative responsibility. The author proposes to consider the committing of administrative offence, which is similar to the offence for which this person was sentenced, as violation of order and conditions of custody. Secondly, it is necessary to change the existing order of cooperation between penal inspections and internal affairs agencies. They should perform such duties as apprehension of a convicted person sentenced to custody, who violated the established duty or restraint. Thirdly, it is necessary to afford the right to court to charge a convict to work, if this punishment was applied as primary punishment or additional to imprisonment.

REFERENCES

1. The official website of the Federal Penitentiary Service. Available from: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20YII/>. (In Russian).
2. Probation Service Annual Report 2010–2013. Available from: <http://wp.unil.ch/space/space-i/annual-reports/>.
3. Smirnova I.N. Characteristics of prisoners sentenced to restraint of liberty. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment*, 2010, no. 3, pp. 85–88.
4. Sokolov I.V. *Ogranichenie svobody kak vid ugovolnogo nakazaniya: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Restriction of freedom as a form of criminal punishment. Abstract of Law Cand. Diss.]. Samara, 2012. 22 p.

Received: 26 March 2015